Виктор Вахштайн

Предисловие главного редактора

Есть два типа объектов социологического исследования, которые крайне тяжело поддаются внятной концептуализации.

Первый тип (видимо, в силу некоторой онтологической комплексности самих объектов) допускает бесконечное множество концептуализаций, практически не оказывая им никакого сопротивления. Про такие объекты «может быть сказано все, что угодно и все будет правдой». Культура — это система смыслов? Да! Культура — это совокупность материальных объектов? Да! Культура — это рутинные нерефлексивные практики? Да! Культура — это символические классификации и коллективные представления? Снова да. Как объект социологического познания культура вообще утрачивает собственное содержание не потому что ускользает от взгляда исследователя, а потому что предстает перед ним «всем сразу». Это эффект *оптического полиморфизма* — некоторые объекты концептуализации подобны пятнам Роршаха или картинкам-загадкам, которые так любили Витгенштейн и психологи-гештальтисты (с той разницей, что картинки-загадки допускают только два решения: утка или кролик, античная ваза или два профиля). Эпистемическая формула таких концептуализаций: «Х — это все что угодно».

Объекты второго типа так хорошо, давно и надежно вписаны в практику социологических исследований, что из объекта познания стали его инструментом. Мы уже не видим повседневных социальных практик людей, потому что видим через них. Практики из объекта исследований стали центральным их концептом. Образование — это совокупность рутинных нерефлексивных практик? Да! Технология — это совокупность практик пользования техническими объектами? Да! Повседневность — это про практики? Да!

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»). Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук.

И даже текст — не что иное, как реифицированная практика письма. Отсюда эффект *эпистемического кодирования*. Мы так хорошо различаем некоторые объекты при помощи своего исследовательского инструментария, что они (в силу неизбежной метафоричности наших концептуализаций) становятся частью этого инструментария. Эпистемическая формула эффекта кодирования: «Все что угодно — X».

Этот номер посвящен двум безнадежно инфицированным объектам. Город как объект исследования заражен оптическим полиморфизмом. В нашем арсенале столько взаимоисключающих концептуализаций города, что сказать о нем что-то осмысленное уже просто не представляется возможным. Город — это система функций? Разумеется! Город — это устойчивое ядро отношений? Само собой! Город — это инфраструктура? Несомненно! Город — это сообщества? А куда без них?! Город — это территория? Конечно! Город — это материальная среда? Опять да.

Город — это про все и сразу. Это дает исследователям городской жизни невероятную свободу концептуализации, за которую им приходится платить эклектичностью описаний и деградацией собственного социологического языка (поскольку единственный язык, на котором могут быть сообщены и обсуждены полученные результаты, — язык здравого смысла).

Напротив, сообщество — это исконно социологический концепт. На этапе формирования повестки дня социальных наук именно под знаменем изучения сообществ происходила унификация предметного поля дисциплины. И как следствие понятие сообщества очень быстро превратилось из операционального концепта в инструмент социологического кодирования мира. За какой бы объект сегодня ни брались исследователи — наука, религия, политика, экономика, технология — в нем легко будут различены дискретные сообщества с собственной логикой организации, паттернами коммуникации, нормами и практиками, верованиями и правилами игры.

Единственное противоядие против двух описанных выше эпистемических эффектов — выход за рамки дисциплины, обращение к чуждым моделям мышления. Именно поэтому к участию в данном номере наряду с социологами были приглашены географы, урбанисты, этнографы и антропологи — традиционные конкуренты социологов в борьбе за право объяснения различных форм локальной социальной организации.

Кирилл Пузанов начинает с проблематизации территориальных границ сообществ и обращается к популярной географической концепции вернакулярных районов. На материалах собственного полевого исследования районов Сан-Франциско он показывает относительность различения между границами территориальными и ментальными (слово, табуированное в социологии, но концеп-

туализированное в географии). Его заход перекликается со статьей Константина Глазкова об использовании метода «ментального картирования» (mental mapping) в изучении городских сообществ. Использование другого методологического инструмента — «фото-GPS» обсуждается (на материалах конкретного полевого исследования в Белоруссии) в статье географов Руслана Гончарова, Павла Сапанова и Алексея Яшунского.

Эмпирический блок состоит из текстов, посвященных анализу конкретных форм сообщностной солидарности. Дарья Димке и Ирина Корюхина исследуют феномен гетерохронии — рассинхронизации временных перспектив деурбанизированного сообщества (полевое исследование социальной жизни в сибирском ПГТ после закрытия поселкообразующего предприятия). Анна Агафонова с использованием методических средств дискурс-анализа изучает процессы формирования идентичности замкнутого городского сообщества — Канонерского острова в Санкт-Петербурге. Работа Дарьи Зеленовой и Владислава Кручинского посвящена психогеографическому анализу городской неформальности в одном из крупнейших транзитных лагерей для бездомных на окраине Кейптауна. Анастасия Астахова в исследовании дискурсивного переопределения ГМО-продукции возвращает тему автономии сообщества в социологию науки.

Позволяет ли такая прививка «иного» к социологической концептуализации избавиться от эффектов оптического полиморфизма и эпистемического кодирования? Вряд ли. Тем не менее, она позволяет сделать их видимыми, описуемыми, познаваемыми. А значит — доступными для дальнейшей рефлексии.